

Каждое поколение рождает своих талантов, и для Линь Даня карьера чиновника была уже не важна. За его спиной теперь стояло множество студентов из бедных семей, а также даос Ин. Даже если даос Ин больше не был государственным советником, он все равно представлял половину Даосской секты. Это была поистине устрашающая сила!

Как старый Линь Юнчан смог воспитать такого внука? Почему по сравнению с этим парнем его собственные внуки кажутся такими невзрачными?

Расстояние от академии до дома герцога было немаленьким, даже на экипаже туда и обратно требовалось полчаса.

Пользуясь этим временем, герцог Цай легонько похлопал Линь Даня по худому плечу и указал на маленький сад:

— Пойдем, пока есть время, старик научит тебя набору ударов.

Семья Цай, будучи военной, не уделяла особого внимания цветам и растениям. В саду герцога Цая цветы занимали лишь небольшие уголки, а в центре было большое пространство, выложенное не плиткой, а массивными каменными блоками, на которых виднелись углубления от многолетних тренировок.

— Когда я только начинал заниматься боевыми искусствами, я тренировался именно в этом саду, — герцог Цай, увидев, как Линь Дань смотрит на углубления, невольно произнес, но тут же спохватился и принял стойку. — Старик, когда стареет, любит вспоминать старые времена. Ладно, давай, посмотрим на этот набор ударов. Хотя наша семья Цай сражается на поле боя и практикует внешние стили, этот внутренний стиль для укрепления здоровья вполне сгодится.

Ранее Линь Дань пережил множество опасностей, а на экзаменах его даже вынесли на носилках. Это не было секретом. Даосы Ин и Юй были мастерами в вопросах здоровья, но у каждого свои сильные стороны. Он мог научить этой технике укрепления здоровья. Такого парня, который принес ему золотую гору, он не мог позволить себе потерять слишком рано.

Линь Дань давно хотел изучить эту технику. У него была база в боевых искусствах, и он быстро освоил движения, а с помощью герцога Цая быстро понял и теорию. Конечно, сразу овладеть техникой он не мог.

Увидев, что Чжэнь Мань и Цай Чун подходят, герцог Цай дружелюбно похлопал Линь Даня по плечу и сказал:

— В будущем, если будет время, заходи почаще.

Это означало, что Линь Дань мог теперь часто посещать дом герцога Цая и получать от него наставления. Линь Дань понял это и поклонился в знак благодарности.

Герцог Цай продолжил:

— Ваша семья из чиновников, но здоровье тоже важно. Ты сам научишься, не мешай и своим домашним тоже тренироваться.

Линь Дань широко раскрыл глаза, не сразу выразив благодарность, а сказал:

— Герцог, это, пожалуй, не совсем уместно?

Не стоит недооценивать эту технику укрепления здоровья. Семья Цай существует уже более ста лет, и то, что эта техника сохранилась до сих пор, говорит о ее ценности. Это часть их семейного наследия, и хотя она не сравнится с военными стратегиями, ее нельзя просто так передавать посторонним.

Герцог Цай притворно рассердился:

— Молодой еще, а много думаешь. Не будь похож на деда, он еще молод, а живет как старик.

— Тогда ученик с благодарностью принимает, — Линь Дань подумал, что его дед и так уже старик. Хотя по возрасту дед был моложе герцога Цая, но, судя по внешности, герцог Цай, возможно, выглядел даже бодрее.

Герцог Цай снова похлопал его по плечу.

Пока они разговаривали, Чжэнь Мань и Цай Чун подошли к ним. Цай Чун шел за Чжэнь Манем с выражением полного отчаяния, чувствуя себя так, будто ему уже семьдесят или восемьдесят лет, и он вот-вот умрет! Но дом герцога Цая — это не академия, и хотя он был другом Чжэнь Маня, он никогда раньше не бывал здесь. Он не мог идти впереди Чжэнь Маня.

Как семья Цай и семья Чжэнь терпят такого, как Чжэнь Мань, и не пытаются его изменить? Если бы он оказался в его руках, такого характера пришлось бы заставить молиться в храме предков, переписывать книги, а если не исправится — выпустить собак!

Цай Чун был полон негодования, и когда он сел обсуждать с Линь Данем детали сделки, он был особенно жестким; а когда увидел, что речь идет о торговле маслом, его взгляд на Линь Даня изменился. Если бы не то, что он не мог перечить дому герцога Цая, он бы, наверное, попытался перехватить сделку.

Это же масло! Он понял, почему Линь Дань засадил целые горы подсолнечником. Если это было просто для красоты, то это было слишком расточительно, ведь земля у усадьбы с горячим источником была недешевой. Но оказалось, что это для масла! Подумав о текущих ценах на растительное масло на рынке, как торговец, Цай Чун хотел сказать: «Зачем продавать его армии? У нас столько ресторанов и гостиниц, продай нам, и ты заработаешь на 20–30% больше!»

Конечно, он мог думать об этом только про себя.

Разве семья Линь была бедной? Даже если они не были такими богатыми, как его семья, они не нуждались в деньгах. Выбор сделки с домом герцога Цая, да еще по такой низкой цене, звучал благородно — для страны и народа. Ведь это масло шло на нужды армии, и цена была действительно низкой, что можно было считать вкладом в страну.

Если копнуть глубже, это была сделка между семьей Линь и домом герцога Цая. Что касается ее содержания, он, как простой сюцай, не мог вмешиваться. Сейчас он мог лишь выполнять мелкие поручения, и это уже было признаком благосклонности со стороны влиятельных людей. Ведь дом герцога Цая — это не простое место, и если в первый раз это было в спешке, то во второй раз они бы нашли подходящего человека.

Хотя Цай Чун сам не участвовал в бизнесе, как семья Линь занималась наукой, а семья Цай — боевыми искусствами, торговля в семье Цай была частью их традиций. С детства он впитывал это, и если бы не прошлый опыт Линь Даня, он бы, вероятно, проиграл. Даже сейчас он действовал с осторожностью.

Линь Дань в душе восхищался: «Не зря он в будущем, будучи гражданским чиновником, занимавшим должность, похожую на наблюдателя Императора в армии, заслужил уважение военных. Сейчас Цай Чун — всего лишь сюдай, но через несколько лет, когда он начнет свою карьеру, он станет настоящим монстром».

Он так думал, не зная, что Цай Чун думал о нем примерно то же самое.

В тот день, когда Цай Чун садился в экипаж, он чуть не упал, и Чжэнь Мань поддержал его, насмешливо сказав:

— Ты чего, целый день языком чесал, а ноги отнялись?

— Ха. Языком чесал? — Цай Чун слабо усмехнулся. — Если умеешь, сам и чесал. Зачем меня тащил?

Чжэнь Мань удивился:

— Неужели Линь Дань действительно так силен? Семья Линь славится ученостью, но в бизнесе они могут сравниться с тобой?

Цай Чун закрыл глаза и вздохнул:

— Старший сын Линь — это настоящий монстр. Если бы это был его отец, то при уровне Линь Даня он вряд ли бы смог выиграть; но его отец всю жизнь был торговцем, а Линь Дань — всего лишь юноша, и даже не торговец!

Чжэнь Мань, услышав это, замолчал.

Через некоторое время Цай Чун немного пришел в себя и с сожалением сказал:

— Брат Чжэнь, когда среди сверстников появляются такие люди, нам нельзя расслабляться ни на миг, иначе нас оставят далеко позади, даже тени не увидишь.

— Люди? Разве ты только что не говорил про монстра? — Чжэнь Мань не придавал этому значения, но в его глазах загорелся огонь соперничества. — Я, конечно, не талант, но в глазах других я тоже монстр!

Хотя Цай Чун уважал герцога Цая и семью Чжэнь, к Чжэнь Маню он относился... ну, они слишком хорошо знали друг друга, чтобы испытывать уважение. Услышав это, он усмехнулся и лениво сказал:

— Хочешь быть монстром — будь им сам, только не тяни меня в это. Кстати, послезавтра у Линь Даня и Ху Чэ вручение свадебных даров, что ты подготовил в подарок?

Свадьба включает шесть обрядов, и вручение даров — это важный этап, который официально подтверждает помолвку. Они, будь то со стороны Линь Даня или Ху Чэ, были друзьями со времен учебы; к тому же, с тех пор, как произошел инцидент в общежитии, они оказались на одной лодке, и им не избежать подарков.